

— Адептка Риате, — раздраженный усталый голос, в котором так чувствуется гнев, что от этого хочется закрыть глаза, спрятаться и больше никогда его не слышать, — вы дважды самовольно покинули Академию Проклятий во время занятий.

Магистр темной магии, член ордена Бессмертных, временный правитель Третьего королевства, лорд-директор Риан Тьер пристально смотрел на меня черными, непроницаемо черными глазами... Столько злости, столько непонимания, столько ярости.

— Вы долго молчать собираетесь? — требовательно поинтересовался магистр.

Даже если бы я знала, что сказать, говорить я сейчас просто не могла. Точно знала: стоит попытаться — и просто начну плакать.

— Вам нечего мне сообщить?

Я честно ответила:

— Нет... — и опустила глаза.

Некоторое время в кабинете лорда-директора царила тяжелая, гнетущая тишина. Мне казалось, что даже воздух в этом сумрачном помещении давит на меня.

— Я ведь должен тебя отчислить, Дэя, — наконец произнес магистр Тьер. — Но я в очередной раз оказываюсь перед неприятным выбором между личной привязанностью и своими прямыми обязанностями лорда-директора данной академии.

Моя голова опустилась ниже, и я в отчаянии думала лишь об одном — только бы не расплакаться.

— У тебя плечи вздрагивают, — добавил Риан.

Только в голосе не было ни сочувствия, ни нежности — злость, холодная непримиримая ярость и снова злость. Магистр темной магии, племянник императора, Первый меч империи, лорд Риан Тьер просто не простил отказа ничтожной адептке. И не простит. Мысль об отчислении из Академии Проклятий вдруг показалась мне здоровой. Я не буду больше видеть его, а он — ненавидеть меня.

— Адептка Риате, — почти рык.

Я вздрогнула и едва слышно ответила:

— Мне нечего вам сказать, лорд-директор. Я действительно виновата.

Виновата во всем... В том, что начала эту историю с проклятием, в том, что не выдержала, сдалась и отказалась от своей любви. Потому что это Риан ненавидит, а я продолжаю любить, несмотря ни на что. Любить всем сердцем. Любить и отчетливо осознавать — мои чувства не были откатом проклятия Вечной Страсти. Они не были навязаны. Я просто искренне и всей душой полюбила этого темного лорда и побоялась сама себе в этом признаться.

Расплата за трусость оказалась суровой.

В последнюю ночь смерти зимы после моего обвинения и требования о расторжении помолвки Риан провел ритуал снятия проклятия Вечной Страсти. Схватив меня за руку, перенес в Академию Проклятий, призвал духа-хранителя, и все было кончено за несколько минут. Потом накатила пустота. Проклятие все же действовало, и последствием его снятия стала эта почти болезненная пустота в душе, слабость, апатия. «Ты счастлива?» — язвительно спросил взбешенный всем случившимся Риан. Уже тогда я поняла, что нет. Пустота пришла, но едва я взглянула на магистра, сердце забилось чаще. И что стоило тогда сказать ему правду? Я побоялась. Слишком злым, разъяренным, разгневанным выглядел блистательный лорд Риан Тьер, слишком большим ничтожеством ощущала себя я. А еще безумно не хотелось проводить эту ночь в императорском дворце. И отчетливо осознавая, что ложь Риан почувствует, я сказала: «Хочу к Юрао. Мне с ним лучше». Вот тогда в глазах магистра и появился холод.

Через мгновение я стояла перед кондитерской мастера Мелуина, в которой гномья община и праздновала последнюю ночь смерти зимы. И почти сразу ко мне выбежал Наавир, встревоженно вглядываясь в мое лицо, и тревога никуда не делась из его глаз, как я ни старалась улыбаться и выглядеть счастливой. А праздник получился чудесный, с танцами до рассвета и веселыми тостами, с гномьим вином и игрой в снежки на го-

родской площади, с сотнями пожеланий и ярким волшебным рассветом, растопившим разом весь снег в Ардаме.

Да, утром уже наступила весна. Теплая, солнечная, напоенная ароматами распускающихся почек на деревьях и стремительно растущей травы, украшенная пением птиц и перелетом из города в лес стай кошек. И встречая первое утро весны, каждый житель Темной империи ощущал, как в его душе расцветает надежда... В моей душе надежды не было. Я смотрела на поднимающееся солнце с улыбкой и ужасающей мыслью, что в моей жизни все кончено. А я даже не могла позволить себе заплакать — в конторе это увидели бы Юрао и Счастливчик, в академии заметила бы Дара.

И единственное, что позволило мне продержаться, это восстановление счетов «ЗлатоСереброИнвестБанка». Потому что заговорщики не хотели, чтобы эта информация сохранилась. Потому что погибли братья Дартаз и их служащие. Потому что когда ничего уже нельзя изменить, остается только исправить хоть что-то. На данный момент за нападение на Ардам были наказаны лишь маги Третьего королевства, подготовившие заклинание «Гнев Солнца», а тот, кто его активировал, так и не был найден. И я старательно восстанавливала список счетов в надежде, что там обнаружится след, зацепка, хоть что-нибудь, что позволит найти этого мага.

Сумела, восстановила, все сделала. И оставалось только сказать об этом, но я смотрела на

блистательного лорда Риана Тьера, видела холод в его непроницаемо-черных глазах, и слова застревали в горле. И вновь опустив глаза, я принялась рассматривать ковер под ногами, старательно сдерживая слезы. Я не заплачу, это все моя вина, так что я не имею никакого морального права на слезы.

— Вон! — тихий, полный едва сдерживаемой ярости приказ.

Медленно поднявшись, я посмотрела на лорда-директора и вздрогнула всем телом — он глаз с меня не сводил, и взор был темным, тяжелым, черным. Злым. Тут у любого появится желание сбежать в Бездну, но я сдержалась. Мои чувства — это только мои чувства, расследование из-за них страдать не должно.

Подойдя к столу, достала из кармана свиток, над которым просидела не только эту ночь, и протянула магистру. Лорд-директор медленно, словно нехотя, оторвал взгляд от меня, посмотрел на свиток, вновь перевел взгляд на меня и ледяным тоном задал вопрос:

— Что это?

Так хотелось просто развернуться и уйти, только бы больше не чувствовать, как от одного тона его голоса у меня все обрывается внутри.

— Это номера счетов, лорд-директор. — Я не выдержала, отвернулась к окну и дальше продолжала, уже глядя на кусочек виднеющегося меж штор яркого синего неба. — Когда мы с Юрао были в банке, покойный мастер Даргаз-старший,

предоставив нам платеж по договору, также дал возможность посмотреть счет госпожи Игарры Болотной.

— Об этом мне известно, — хрипло прервал меня магистр. — Как и о том, что все банковские документы были уничтожены первой волной «Гнева Солнца». Номера счетов, выписанные офицером Найтесом, сгорели вместе с его одеждой и волосами. Откуда же у вас, адептка Риате, — и столько сарказма в этой фразе, — данная информация?

Все так же глядя в окно, тихо ответила:

— Я адептка Академии Проклятий, запоминать схемы с первого взгляда — навык, который у нас доводят до автоматизма.

Усмехнувшись, лорд Тьер забрал свиток из моей все еще протянутой руки, раскрыл, просмотрел и поинтересовался:

— И сколько же у вас, адептка Риате, ушло времени на восстановление номеров данных счетов?

— Несколько дней.

— И ночей? — проявил магистр чрезмерную осведомленность.

— И ночей, — не стала лгать я.

Потрудиться действительно пришлось, но я вспомнила и записала все — не только счет, с которого перечислялись деньги, но и номера счетов Третьего королевства.

— Забавно, — зло произнес лорд Тьер.

И кабинет погрузился в напряженное молчание.

Я украдкой посмотрела на лорда, сосредоточенно всматривающегося в столбики цифр, и

на душе стало чуть-чуть теплее. Я знала, что мне будет плохо без Риана, но даже представить не могла, что настолько... Плохо утром, когда рассвет приносил осознание, что я опять не спала всю ночь. Плохо днем, когда я сидела в столовой и вспоминала наши совместные ужины. Плохо вечером, когда я оставалась одна и старалась не отрывать голову от учебника, потому что каждый раз казалось: стоит взглянуть на противоположный конец стола — и...

Риан стремительно вскинул голову, поймал мой взгляд, я мгновенно отвернулась. В кабинете вновь стало тихо. И мне показалось, что как-то напряженно тихо. От магистра вообще не доносилось ни звука, но и я больше не смотрела на него, направив все свое внимание исключительно на виднеющийся в окне кусочек неба. Не хочу, чтобы Риан знал, как мне без него тяжело. Не хочу быть жалкой.

— Да, ты выросла, — неожиданно произнес лорд-директор.

Я промолчала.

— Так, значит, никаких чувств ко мне нет, да, Дэя? Вздвогнув, вновь промолчала.

— Мне интересно, — издевательски продолжил магистр, — как долго еще ты будешь делать вид, что я абсолютно безразличен тебе? День, два, неделю?! Или подождем, пока свалишься от переутомления и недосыпания?

Откровенная злая насмешка в голосе спровоцировала вполне очевидную реакцию:

— У меня все замечательно, — продолжая смотреть в окно, отчеканила главе Академии Проклятий. — А не спала я, потому что восстанавливала список.

Молчание, затем взбешенное:

— Я так и понял.

И магистр вновь уделил внимание счетам ныне уничтоженного «ЗлатоСереброИнвестБанка».

— Знаешь, кому принадлежит этот счет? — спокойно, без злости спросил Риан.

Оторвав взгляд от окна, подошла ближе, перегнулась через стол, посмотрела на место, куда указывал магистр, и ответила:

— Господин Даргаз-старший отдал распоряжение узнать по поводу этого конкретного счета из семнадцати цифр, но служащие сообщили, что он принадлежит Императорскому Банку, куда они не имеют доступа. Так что не знаю.

Я выпрямилась, снова начала смотреть в окно.

— Так, а вот этот?

Свиток получился значительным, чуть больше, чем у гномов в банке, просто потому что у меня все же крупнее почерк, и развернутый занимал половину стола. А палец магистра указывал на ряд циферок, располагающихся прямо перед ним самим, то есть мне или на стол почти лечь придется, или кристалл-увеличитель достать.

— Стол обойди, ты же не увидишь оттуда, — приказал лорд-директор.

Неуверенно взглянула на магистра — он был полностью увлечен свитком и уже даже не смотрел

на меня. Но подходить все равно... было страшно. И я достала кристалл-увеличитель из браслета.

— По-моему, здесь ошибка, — как-то насмешливо произнес Риан.

Вспыхнув от обиды, я торопливо обошла стол, остановившись рядом со стулом лорда-директора.

— Где? — наклонилась, пытаясь понять, что там указала не так. И ведь проверяла же, в комнате копия этого свитка, составленная отдельно, и они оба сошлись. То есть я все верно скопировала. — Какая ошибка?

Лорд Тьер убрал руку, открывая моему взору шесть цифр одного из счетов, но ошибки там точно не было. Всмотрелась, отрицательно качнула головой.

— Нет, — возразила я, — я перепроверила все трижды и не могла ошибиться.

— Правда? — насмешливо-ироничный тон.

Внезапно магистр поднялся, в следующее мгновение я оказалась зажата между ним и столом, и, убрав мои волосы с левого плеча, Риан наклонился, чтобы, почти касаясь губами моего виска, зло прошептать:

— Взгляд — твоя ошибка. Один-единственный взгляд.

Я замерла. Риан тихо рассмеялся, обнимая меня одной рукой, свернул свиток, а затем, скользнув губами по моим волосам, прошептал:

— Всего вам темного, адептка.

Отпустив потрясенную меня, он вышел из кабинета, весело помахивая списком с восстанов-

ленными банковскими счетами. Уже из кабинета леди Митас я услышала его громкое:

— И да, даже не надейся на отчисление, дорогая.

А я точно знаю, что там сидит леди Митас! И кажется, не только она одна.

Из кабинета лорда-директора я выходила не менее пунцовая, чем алый ковер на его полу, правда, несмотря на откровенное смущение и злость, мне почему-то стало намного легче и плакать уже не хотелось. И дело не в том, что отчислять меня не будут.

Пройти мимо леди Митас, у которой после столь громкого заявления лорда-директора из руки выпало перо и теперь на каком-то явно важном документе расплывалось пятно, оказалось не просто. Но ладно секретарь — у дверей стояла леди Орис, и вот ее взгляд мне запомнится надолго.

— Темных вам, — пробормотала я и стремительно покинула секретарскую.

* * *

В коридоре долго стояла, пытаясь прийти в себя. Потом медленно направилась к выходу из административной части и, едва вышла на порог, остановилась вновь, подставляя лицо яркому весеннему солнышку.

Весна!

Третий день сегодня, и склоны уже покрылись зеленью, кусты, едва скинув снежные хлопья, расцвели, деревья зазеленели, первые, самые нежные

цветы робко пробивались сквозь опавшую и примятую растаявшим снегом листву. Как же красиво! И так сказочно-волшебнo! Никак не могу к этому привыкнуть. Загреб севернее Ардама, у нас весна сменяет зиму в течение шести дней, здесь же все происходит за три. И праздник смерти зимы — действительно прощание со снежной красавицей, ведь, сколько ни выпадет снега в последнюю ночь, поутру с первыми лучами уже по-весеннему теплого солнца все растает. Оттого и празднуется смерть зимы до самого рассвета. Приграничье — край суеверный, у нас говорят: «Последним снегом умоешься — от всех хвороб избавишься».

— Ровнее, ровнее поднимай! — раздался крик магистра Тесме.

— Держи ее! — вопил Сэдр.

— Плавнее, плавнее давай, — вторил им Ружен.

Стараюсь не улыбаться. Сложно, конечно, но лучше уж постараться, чем получить проклятием в ответ на улыбку. А все дело в том, что после случившегося в праздник смерти зимы лорд-директор был зол. На меня, на себя, на весь мир. Об этом знали только я и он, я даже Юрао не сказала ни слова о разрыве помолвки. А тут в первый весенний день преподаватели мужского пола, которые страстно завидовали женской половине и обновленному женскому общежитию, решили повторно попытаться намекнуть лорду-директору о состоянии своего жилища. Лорд Тьер намеку внял и приказал всем адептам и преподавателям мужского пола ожидать его во дворе академии.